

УДК 94 (470. 621)
ББК 63.3 (2 Рос.Ады)
Х 98

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова

Адыгская охота по материалам этнографии и фольклора

(Рецензирована)

Аннотация:

По материалам этнографии и фольклора анализируется адыгская охота и ее способы. В нартском эпосе, который представляет большую историческую ценность, приводятся промысловые животные, места их обитания. Описываются сцены и методы охоты героев эпоса.

Из этнографии и фольклора показана охота диких животных богом леса и охоты Мэзытхъэ. По данным фольклора приводятся примеры, как издревле люди, заботились о сохранении естественного баланса дичи в природе.

Ключевые слова:

Животные, эпос, «Нартхэр», горцы, охота, оружие, мифы, божество, собаки, нарты.

Как известно, устно-поэтическое творчество, народная мудрость в художественно преобразованном виде правдиво отображает историю и философию, традиции и нравы, а также миропонимание народа, создавшего его. Несомненным является и то, что эпос, верно, отображает природу обитания и степень взаимоотношения природы и человека.

Нартский эпос начал создаваться в глубокой древности – 5 тысяч лет назад. Это – величественный памятник культуры, который сохранялся и развивался всеми народами Северного Кавказа, стал творением и олицетворением горцев.

Резонно предположить, что древний эпос «Нартхэр» зародился в эпоху, когда произошел гигантский скачок от сотен тысячелетий замедленной жизни предков каменного века к веку бронзы и железа, от культа природы и почитания животных к культу человеческого общежития, получившего орудия труда и защиты из железа, позволившего человеку осознать необходимость сохранения среды обитания.

Противоречивый характер этого переходного периода ярко отражен в народном эпосе и относится ко времени, когда заканчивается период внешней гармонии человека и природы, когда духовная культура, связанная с обожествлением могущественных сил природы (Вода, Земля, Огонь, Гром, Молния и т.д.) постепенно замещается духовной культурой, основанной на рациональном восприятии мира. Мифологическое сознание, восприятие мира через миф, образ и легенду заменяется сознанием, основанным на философской мысли.

Народный эпос отражает мир прошлый и настоящий. Многих животных, прежде всего собаку и лошадь, идеализировал человек, наделяя их особыми качествами, считал их своими друзьями и помощниками.

Люди поклонялись животным, обожествляли и наделяли их сверхъестественными силами. Бывая на охоте, они замечали преимущества зверей, обладавших качествами, которых не было у человека. Одни животные летали, другие – быстрее бегали, плавали, третьи – хорошо видели ночью. Поэтому в нартских сказаниях и легендах немало таинственных историй, связанных с животными, вплоть до орла Самгур-бгежа (Самгъур-бгъэжъ), который мог «видеть все прошедшее, видеть все будущее». [8. 187]

Животный мир того времени реален. Нарты знали таких диких животных и птиц как зубр, олень, тур, коза, кабан, верблюд, медведь, волк, барс, белка, заяц, орел, сокол, фазан, сова, перепел и др. В нартском эпосе мы не находим ранее существовавших в местах обитания нартов мамонтов, пещерных медведей, тигров, львов, пещерных гиен, но еще встречаемся с гигантским оленем, представителем древнейшего вида животных. Этот факт свидетельствует, что нартский эпос создавался задолго до нашей эры.

Древнейшие представления горцев, связанные с охотой, также встречаем в нартском эпосе. Они представляют большую историческую ценность, но их адекватность реальной исторической ситуации не может быть абсолютной.

Резонно предположить, что народный эпос «Нартхэр» отражает один из древних видов деятельности человека – охоту, и само адыгское название «еша» – «ешакло» соответствует понятиям древнеевропейского слова, отражающего его значение «охотиться». Герои эпоса были прекрасными охотниками. Выстрелив в одну и ту же лису, Саусэрыкъо попадает в левый глаз, а Шабатныкъо – в правый. Свою единственную сестру нарты кормили костным мозгом отборной дичи.

Герои эпоса хорошо владеют оружием, изготовленным нартским кузнецом Тлепшем (Лъэпшь), богом кузнечного мастерства. Им сделанная сэшхо – сабля рассекает камни и железо. На вооружении нартов были лук и стрелы, копьё и пики, мечи и кинжалы. Хорошую службу исполнял и конопляный аркан. Они пользовались и такими особыми видами оружия, как пики с двуглавым наконечником, нартские двуглавые копьё, вильчатые наконечники стрел. Вильчатая стрела – шэбзэ шхьэтаркъу – в единственном экземпляре находится в Республиканском музее Адыгеи. Очень интересно, что для бронзового трезубца (далекий прототип вильчатой стрелы?) из Исправненского могильника в Карачаево-Черкессии, датированного рубежом IX-VIII вв. до н.э., через аналогичную находку в Колхиде и параллели в абхазском фольклоре, устанавливается связь с ритуальным обрядом, посвященным культу молнии. [16. 206] О культе оружия говорят и личные символические имена нартских героев: Сэтэнай, Сау-

сэрыкьо, Щэбатныкьо, Иэшэмэз, происходящих от «сэ» – «меч, «щэ» – стрела (пуля).

В архаическом нартском эпосе мы находим не только отражение мира животных, но и способы, методы охоты. Древнейший вид охоты – охота с собаками; охота с орлом или ястребом, охота загоном, индивидуальная охота на коне, охота скрадом, другие виды охоты. В легенде «Ерэшкэурэ нартымрэ» повествуется о том, что «нарт знал излюбленное место охоты обреченных. Отправился туда, имея при себе лук и стрелу Тлепша. Предположения кузнеца Тлепша (Льэпшь) оправдались. Перед ним открылась картина охоты. Три охотника – он их сразу узнал – Саусырыко, Пшатыкчеч и Блипкчеч – длинными шестью подняли двух оленей, разлучили их. Оленюху погнали две борзые собаки. Один человек, находившийся сзади, держал ловчего орла». «Нартский эпос отразил, – как пишет А.М. Гадагатль в «Легенде о Тлепше и управляемой стреле, непременно отыскивающей и поражающей конкретные цели», – чудо-мышление народа, его глубокое предвидение». [8. 167]

Нартские мифы во многом совпадают с античными мифами. Народы, их носители, находились в тесной связи с древнейших времен.

Ксенофонт в 401 г. до н.э. в первой книге об охоте – Кинегстикос – пишет, что «в усадьбе он построил храм в честь Артемиды, богини – покровительницы охоты. И всякий раз, отправляясь на охоту, совершал там моления и жертвоприношения». В Элладу было немало прославленных охотников. О некоторых из них рассказывается в книге. Участники Троянской войны Одиссей, Ахилес и Диомид были заядлыми охотниками. Опытным охотником был и легендарный Афинский царь Тезей. Особым покровительством богини Артемиды пользовался охотник Кафал – она подарила ему волшебный дротик, бьющий без промаха. [26. 127]

В самом деле казалось, что самоуправляемая стрела – это легенда, но мы сейчас в век космической эры понимаем, что идея о самоуправляемых полетах давно сформулирована и зафиксирована в адыгском древнейшем эпосе. Это свидетельство высокого уровня цивилизации народа того времени.

Всадник, вооруженный луком, на бронзовой булавке из Кобанского могильника – вероятно, один из героев или божеств мифических древних кавказских преданий. На поясе из Тлийского могильника, на котором кроме животных, солярных знаков имеется изображение конного и пешего воинов, вооруженных луком, запечатлен один из эпизодов древнего кавказского мифа о космическом охотнике, божестве, или о каком-либо другом герое, пешем, конном персонаже солярного цикла, вооруженном луком, преследующем животных, представляющих само солнце, небесные светила, которые должны погибнуть, а затем воскреснуть, вновь ожить в новом, молодом образе. [18. 7]

Известно, что первым древним спутником человека была собака, и охота с борзыми является древнейшим типом охоты на дикого зверя. Особой породой у нартов были собаки – самыры. В пщынатле о Шабатныко говорится:

Вдруг появился черный всадник
С самырами, рядом бегущими,
С прирученными орлами,
Над головою парящими.
(Нартхэр, III, № 233)

И сейчас у адыгов бытует слово «щымыр» в значении натравить собаку на кого-то. В нартском эпосе мы находим и другую породу собак – малых борзых.

Его малая борзая испугивает фазана,
А серый сокол ловит его.
(Нартхэр, т.1, № 481 – 483)

Если собак самыров использовали как на охоте, так и в бою, малые борзые выполняли только охотничью роль. Они легко проходили по густым зарослям, где прячется зверь или птица, поднимали их, а дальше к охоте подключался сокол – ловил дичь. Сокол или орел могли поймать фазана, зайца, лисицу и других мелких животных.

Преданности собаки своему хозяину в эпосе отводится много места. Собака всегда рядом с охотником, никогда не оставит его в беде и, если будет необходимость, она отправится на помощь в селение за помощью. «Долучшие из нартов, – говорил в своем обращении к ним Батраз, – не удивляйтесь тому, что я скажу, но отваге и сообразительности в бою научился я у своей охотничьей собаки». [25. 315]

Уместно остановиться на пщэнатле эпоса «Нартхэр» цикла «Хымыщыкьо пэтэрэа», где нарт ставит несбыточную цену «уасэ» за кровь отца:

Найдите мне собаку с черной головой
Без белых пятнышек,
Приставьте лестницу к небу
И чтобы подняться по ней,
Принесите полное сито воды,
Чтобы напиться...
(Нартхэр, т.IV, № 332)

В другом случае речь идет о черной собаке без единого пятнышка. Значит, в то время у адыгов не было черных собак. Они появились в более позднее время и носили другую функцию в быту адыгов. Как пишет Люлье, колдунов «подвергали пытке, секли, сажали связанных между двумя пылающими кострами, заставляли съесть кусок печенки, вынутой из убитой нарочно для этой цели черной, без малейшего пятнышка собаки и зажаренной». [22. 35]

В эпосе «Нартхэр» во всех случаях собака выступает верным помощником и защитником человека, до конца преданным ему. У богатыря, прикованного к Ошхамахо (Эльбрус), «сидит собака, верная ему, охраняет. Она беспрестанно грызет цепь, бывает, вот-вот уже перегрызет». [9. 258-264] И у других народов собака вызывала к себе неоднозначное отношение. Она представляла собой либо существо иного мира (леший, бес), либо человека, когда он перемещался в иной мир (колдун, испорченный или проклятый). В традиционных представлениях, по замечанию Т.Б. Щепанской, положение собаки никогда не

было стабильным, она все время курсировала между нашим и иным мирами. [33. 72, 75]

И не только собака, но и волк, заяц, перепел отказываются отведать плоть и кровь Саусэрыкьо, за что они получили определенные преимущества перед другими животными. А вот сова, выпившая кровь героя, проклятая им, в свой век не видит белого света. Здесь подчеркивается неизменная необходимость единства человека и природы, целостность свойств природы и животного мира. Нарт Саусэрыкьо восклицает:

Что за напасть!
мать меня наставляет,
Конь меня учит!

Знакомство наших предков с верховой лошастью произошло с начала I тысячелетия до н.э. Необыкновенными свойствами наделены кони нартских героев. Верный своему хозяину конь Саусэрыкьо Тхьожьый наделен даром речи, отличается умом. С ним советуется даже мудрая Сатанай. Как и хозяин, он на неуязвимом теле имеет уязвимое место.

Человеческим разумом и речью обладает и Чемдежь, конь нарта Шауая. И сам конь совершает подвиги. Он находит диких коз и оленей и подгоняет их к Шауаю. Умом и сообразительностью обладает конь Хамышакьо Пэтэрэза Дуль-Дуль, который спасает хозяина, выбив меч из рук его врага.

Животный мир давал человеку пищу, одежду и вдохновение. Шубу из шерсти волка носит старый Насрен, из лебяжьего пуха была шуба матери Ащамэза, нарты угощали гостей олениной.

Прообразом человеческих изобретений служили свойства природы. Чтобы придумать серп, Тлепшу необходимо было металл «загнуть как перо на хвосте петуха, чтобы захватывать больше стеблей. Чтоб лучше срезать, мелкие зубцы должны быть, словно зубья змеиные» («Серп Тлепша»). Чтобы уберечь руки Тлепша, которыми он «раскаленное железо придерживал рукой», сообразительная невестка придумала инструмент и нашла способ сообщить свекру, с которым по обычаю она не разговаривала. «В лесу убила она двух змей, сложила их крест-накрест, сбила гвоздем и сложила у порога кузницы. Тлепш увидел замысловатый знак... и тут же, говорят, он выковал первые железные клещи» («Клещи Тлепша»). В адыгском эпосе «Нартхэр» мы находим Бога охоты, Хозяина леса и диких животных – Мэзытхьа. Он мудр и справедлив. В сказании «Шебатныкьо и Саусэрыкьо» он становится на сторону Шебатныкьо, решившего отдать шкуру лисицы детям-сиротам.

Бог леса и охоты Мэзытхьэ охранял диких животных, убить можно было столько диких зверей, сколько он разрешит. Исчезновение веры в Мэзытхьа приходит позже, когда охотники стали добывать зверя не только для пищи, но и для наживы. В предании «Как погибли Бог зверей и Мэзлпыныкьо» рассказывается, что герой предания Дад поднялся на гору и увидел огромного мужчину, собравшего вокруг себя зверей. Это был Мэзытхьа. Он выделил охотнику одного оленя. Но Дад не смог спуститься с горы. Мэзытхьа объяснил ему, что он наказан за убийство слишком большого количества дичи. Услышав

это, охотник убил самого бога зверей. С тех пор, подчеркивается в предании, люди стали свободно убивать зверей. [32. 183] Подобные «экологические» мотивы есть и в грузинском охотничьем эпосе. По преданию, один охотник убил шестнадцать туров, чем разгневал «пастыря зверей» и был наказан. В Хевсуретии еще в нашем XX в. показывали скалу, названную именем этого охотника (видимо в назидание потомству). [7. 68]

Бог охоты был у всех горцев Северного Кавказа. У осетин известен Афсати – покровитель туров, оленей, коз и других благородных зверей, он покровительствует всем охотникам, ему молятся все охотники. Он слепой на один глаз, так же как чеченский одноглазый Элту – покровитель охотников, от которого всецело зависел успех охоты. У сванов было два божества охоты – Ажат (мужской образ) и Дали (женский образ), у балкарцев и карачаевцев – Апсат. Абхазы преклонялись перед охотничьим богом Ажвепша.

Охота всегда была сопряжена с трудностями. Она проходила в горах, в густых лесах и днем и ночью. Страх перед неизвестностью рисовал в воображении охотника фантастические существа в разных образах. Наиболее типичным был Мэзлпыныкьо – получеловек – одноглазое лесное дикое существо, с острым костяным майтэ – топориком-мечом на груди. Он враг человека и победить его можно только умом, что и делает герой нартского эпоса Шауай. Он перехитрил чудовище-получеловека, накинув бурку на лесной пень.

Величие разума осознавалось нартами. Они верили в возможность коллективного труда, более всего ценили мужество и отвагу, рассуждали о сущности человека и его месте в природе. Древние нарты верили в свое сверхъестественное могущество: вызывать дождь и бурю, мороз и жару, даже приостановить Солнце перед закатом, пока не закончит свое шитье Сатанай-гуашэ.

Мотив содружества, взаимопомощи, добродетели между людьми и дикими (лесными) животными наблюдается как в героическом, так и в сказочном эпосе адыгов. Такова, к слову сказать, сказка «Батыр – сын медведя», в которой повествуется о мальчике, воспитанном медведем. [30. 11-119]

В другой сказке «Что случилось с двумя охотниками», в которой рассказывается о том, как знаменитый охотник Махош спасает кабана, плененного огромной змеей. Интересно то, что освобожденный кабан действительно благодарит своего спасителя, приводит его в свое логово, откуда выносит в зубах меч (предмет обожеествлявшийся многими народами в древности и средневековье), кладет его перед ним и уходит в свою нору. [2. 331-336]

Сатанай-гуашэ эпоса, желая посадить перед своим жилищем красивый цветок (впоследствии получивший название «Сатанай-кьэгьаг» («Сатанай-цветок»), примененный ею на берегу реки Пшызэ, много раз приносит его домой и высаживает, но каждый раз он засыхает. В последний раз она приносит этот цветок и, лишь успевает посадить его в землю, как пошел дождь, намочил и отхлестал листья, и омрачил Сатанай-гуашэ: опять неудача!..» Но, к великой ее радости, утром она увидела сияющий цветок!.. «Ага, – догадалась она, – Псэр – псэм фэд!» («Влага душе подобна!»). [23. Т. 1]

И еще. В древнем эпосе зихо-меото-адыгов отмечается, что издревле люди, заботясь о сохранении естественного баланса дичи в природе, в свое время отпускали в лес, на волю, определенное количество животных для пополнения и размножения.

В нартском эпосе осетин очень много охотничьих эпизодов, отметим некоторые из них. Ахсартаг говорит своей жене: «Побегу я в лес на охоту, может, удастся мне зверя убить. Угощу тогда брата, и отпразднуем его возвращение. И отправился Ахсар на охоту». Однажды на пирушке небожители чествовали молодого Сослана за его подвиги; Сослан, выслушав их, обратился к покровителю благородных зверей Афсати с такими словами: «Все благородные звери в горах и на равнинах находятся под твоей высокой охраной, Афсати. Строго сторожишь ты их, не подпускаешь к ним близко нас, бедных земных людей». И Афсати уделил нартам часть своего скота, что ходит в лесах и на равнинах. Сказание «Сослан и гумский человек» начинается следующими словами: «Пошел раз Сослан на охоту. Только одного зайца посчастливилось ему убить». Далее описывается, как Сослан охотился на оленя. В сказании «Смерть Сослана» говорится: «Часто ходил Сослан на охоту в поле Залахар, которое издавна выбрали нарты как место своих состязаний и охотничьих подвигов». Сказание «Как Хамыц женился» начинается описанием в стране нартов лютого голода. Нарты «бродили по горам и лесам и кормились тем, что добывали охотой». Особенно выручал товарищей Хамыц, возвращаясь с охоты, он приносил с равнины желтых косуль, из Сухой Балки – сухопарых оленей, с вершины Черной горы – черноперых индеек. В сказании «Кому досталась черная лисица» повествуется о том, как отправились на охоту знаменитые нарты – Урызмаг, Хамыц и Сослан, загонщиком был взят ими племянник Аца. Охота шла с утра до вечера, и каждый из нартов проявлял высокое мастерство в стрельбе из лука.

Достаточно приведенных примеров, чтобы убедиться, что охота была большим подспорьем в жизни нартов, и что они выходили на охоту то в одиночку, то сообща. [24]

Приведенные факты из эпоса «Нартхэр» позволяют нам сказать, что герои эпоса, охотники и скотоводы, с древнейшей поры, постепенно познавая «секреты» природы, ее могущество, стали одновременно проявлять заботу о сохранении и приумножении ее естественных бо-

гатств, пытались жить в согласии с ней, дружить, любить и оберегать ее обитателей.

Древнеадыгский народный памятник героический эпос «Нартхэр», исследованный, систематизированный, подготовленный научно к печати на языке оригинала и опубликованный в семи томах доктором, академиком Аскером Гадагатлем, 25 лет назад с точки зрения содержащихся в нем проблем взаимного отношения человека и природы, наличия в нем мотивов сохранения естественных богатств и т.д. – для нас, современников, очень злободневен. Герои этого древнего эпоса как бы обращаются к нам, ныне живущим, и однозначно говорят: «Люди, оберегайте Природу! Не губите ее! Живите с нею в полном согласии и взаимном добром понимании!».

Эпос «Нартхэр» – арсенал народной мудрости: это – многовековой (несезонный!) урожай, находящийся, к нашему счастью, уже в закромах надежных семи амбаров, которые сохранят его навечно, защищая от забвения; это, наконец, – национальное богатство особой важности и величия адыгских (черкесских) народов.

Собака – древний спутник человека. Она обожествлялась человеком как солнце, как луна и звезды, как вечный страж, охраняющий человека при жизни и смерти. Вместе с тем это животное связано с охотой, божеством охоты. Она была помощником в охоте и охраняла стада пастухов.

Появление собаки библейские сказания относят к дням всемирного потопа. Когда лодка Ноя дала течь, то сообразительная собака заткнула дыру носом и от холодной воды тот навсегда остался влажным и холодным. Тем не менее собачий чувствительный нос различает до полу-миллиона различных запахов.

Человек приручил собаку приблизительно 10 -12 тыс. лет назад. По теории Ч. Дарвина, собака произошла от волка и шакала.

Подвески в виде руки с собаками из Кобанского и Глийского могильников символизировали единство человека и собаки – его верного помощника в охоте, пастушестве, страже, охранении, служили охотничьим и пастушеским амулетом, способствующим успешному исходу дела. [19. 5]

В эту эпоху собака изображена со стоячими короткими ушами. Значительно позднее, уже в первом веке нашей эры, этот вид охотничьей собаки мы вновь встречаем в изображении сцены охоты на меотском сероглиняном кувшине.

Сцена древней охоты. Фоторепродукция И. Бастэ

На рисунке мы видим остроухих охотничьих собак, участвовавших в загонной охоте на оленей. Эти факты говорят о том, что древние охотничьи собаки были особой породы, по виду напоминающие борзых собак, но со стоячими ушами.

Еще в эпоху ранней бронзы (в III тысячелетии до н.э.), получившей название Майкопской культуры, население знало собак, почитало их. В урочище «Клады» были найдены, кроме бронзового обоюдоострого меча, кремневого топора, кинжала и наконечников стрел, две скульптурные фигурки собачек из бронзы с серебряными накладками. [4. 24]

К VI-V вв. до н.э. археологи относят навершие, используемое в культовых обрядах. Навершие имело круглое, сквозное отверстие в центре. Вокруг отверстия помещены три собачьи головы, направленные в одну сторону и как бы следующие одна за другой. У них открытые пасти с крупными зубами. По краям пасти на всех трех головах имеется сетчато-заштрихованный узор, а поверхность морды украшена якоробразным знаком, поперечная часть которого напоминает полумесяц. Стержень знака помещен между глазами собаки, выполненными двойными, вставленными друг в друга.

У животного стоячие короткие уши. Обе поверхности навершия украшены узором, состоящим из заполненных точками кружочков. Последнее, как нам кажется, связывается со звездным небом. В оформлении этого навершия переплетаются, таким образом, художественные образы собаки, солнца, луны и других небесных светил. [31. 237]

Древними художниками изображены «священные собаки – податели помощи, выступающие в кавказской мифологии, фольклоре и этнографии в качестве добрых гениев, апотропеев, оберегов; им приписывались различные благодетельные свойства и иногда они отождествлялись с волком, о котором имелось также и космическое представление... Эти представления возникли не случайно: собака была по-прежнему помощницей на охоте, ей стала принадлежать большая роль в охране увеличившихся стад скота, т.е. она имела немаловажное значение в хозяйстве Кавказа». [17. 13]

Первой помощницей охотника того периода должна была быть собака, скульптурные изображения которой составляют значительную серию бронзовых изделий Центрального Кавказа. В связи с этим нельзя не вспомнить о бронзовой булавке Кобанского могильника, навершие которой изображает сцену охоты – нападение собак сзади и спереди на оленя. Почти все культовые фигурки собак имеют лающую пасть и даны в позе нападения. Эти особенности также отчетливо говорят об охотничьей роли собаки. [31. 206] В древней графике встречаются почти все виды животных и птиц, обитающих и встречающихся на Северном Кавказе.

«Собака вывела человека в люди», – неоднократно повторял великий русский ученый И.П. Павлов. Действительно, только с приручением собаки наши предки смогли перейти от собирательства к охоте на крупных животных. Человек с собакой уже не боялся хищников. Мотив дружбы охотника и собаки широко отражен в мифологии горцев. Так, в адыгейской «Сказке о пшитле» рассказывается, что «сын не возвращался с охоты месяцами. Вместе

с ним всегда были его верные собаки. Одна из них бегала далеко впереди хозяина и, почуввав опасность, возвращалась обратно, чтобы предупредить его о беде». [30. 165]

По преданию, одна мудрая абхазка, увидев открытыми настежь врата небесные, при которых исполняются желания, попросила бога, чтобы он дал ей и ее роду четыре важнейших элемента человеческого существования: в первую очередь собак и потомство (дословно людей), а так же молока и хлеба. В археологических материалах встречаются многочисленные изображения животных, прежде всего собак, относящихся к различным историческим эпохам, а в эшерских Кромлехах и дольменах собачьи кости лежали рядом с человеческими». [12. 94] В Куланурхвинском могильнике (Абхазия), относящемся к VII-VI вв. до н.э., был найден культового назначения топорик со скульптурной фигуркой собаки. [11. 28]

«Значительный интерес, – пишет Инал-Ипа, – представляет культового назначения уникальный топорик со скульптурной фигурой собаки на обухе и другие фигуры животных: птиц, рыб, кабана, а так же изображения какого-то фантастического хищника, фигурка которого также покрыта елочными и геометрическими украшениями. (В том же районе найден топор на металлической рукояти с фигурками лошадей на обухе, хранящийся в Эрмитаже, в Ленинграде)». [12. 28]

С древнейших времен наблюдается разнообразие охотничьих собак. Латинский писатель Граттий (40 г. до н.э.) об охоте писал, что «есть тысяча родин у собак, и нравы каждой соответствуют происхождению. Не способная к дрессировке медийская дает большие битвы; высокая слава превозносит противоположных им кельтских. Напротив, гелонские (т.е. скифские. [1. 279] – Прим. Латышева) отказываются от драк и ненавидят Марса, но от природы они хорошие ищейки». [20. 791]

У адыгов известны охотничьи собаки:
самыры – полугончие – полулегавые;
хьэпаний – легавая, подсоколиная (спаниэль);
хьэджащьо – борзая;
хьэкьулап – гончая;
хьэпшю – лайка;
хэльэкьым – норная такса;
хьэпари (мэлыхьухь) – овчарка.

У абхазов были охотничьи гончие собаки «апа – шзаранца», полугончая борзая собака «ацчар», пес-медвежатник амшела и др. [13. 157]. У них было и отдельное божество собак под названием Алышькинтыр. «Есть и такие племена, которые почитают животных и собаку, – писал в начале XIX в. об «абазах» Минай Медичи. – ... Нам рассказывали, как на краю деревни они заметили привязанную на особом месте большую страшную собаку. От нее, благодаря суеверию, они так дрожали, что каждый раз сначала собаке клали пищу, а затем сами ели остатки». [13. 67]

У осетин, когда они кого-либо обвиняли в воровстве, существовал обычай клясться собаками, кошками и мертвыми. Обвиняющий обходил деревню с собакой и восклицал громким голосом: «Я сейчас убью эту собаку». После чего настоящий вор обычно признавался в содеянном, т.к. считалось, что, если убить собаку – это навлечет несчастье. [5. 161]

В зависимости от места воспитания, охотничьи собаки подразделялись на черкесских, баксанских, абхазских, крымских.

До недавнего времени дожила т. н. «абхазская собака» (апсуа-ла), которая под этим же названием известна и некоторым соседним народам, например, отдельным группам адыгейцев, в частности жителям горного шапсугского аула Псыбэй, как это было засвидетельствовано абхазскими этнографами летом 1976 г. «Абхазская собака не совсем, по-видимому, тождественная известной породе кавказской овчарки, отличается довольно высоким ростом, коротковатой мощной шеей, небольшими ушами, относительно тупой мордой, средней волосатостью на теле и злым нравом. Щенкам отрезали значительную часть ушей и кончик хвоста, чтобы они росли злыми и сильными». [13. 156-157]

Наиболее древними охотничьими собаками были самыры – остроухие полугончие-полулегалые, о которых часто упоминается в Нартовском эпосе. Видим мы их в изобразительном искусстве наших предков.

Наибольший интерес представляет происхождение птичьей собаки хъэпаний (спаниель). Большой знаток охотничьих собак Л.П.Сабанеев, отрицая испанские корни происхождения этого вида, считает, что «Колыбелью ее считается, как и следовало ожидать, Индия». Уже во времена «крестовых походов, длинношерстые птичьих собаки могли быть доставлены из Малой Азии и Персии». [28. 27] Вместе с тем он добавляет, что это наиболее вероятная теория, ибо происхождение длинношерстных птичьих собак все еще очень загадочно и только последующие изыскания в Испании, на Балканском полуострове, в Малой Азии и Персии «могут пролить свет на этот вопрос». [28. 27] По мнению Сабанеева, «...охота с ловчими птицами весьма затруднительна без помощи собак, причем от последних не требуется ни особой силы, ни большого проворства. Поэтому надо полагать, что кроме обыкновенных остроухих собак, полуборзых, полугончих, в помощь соколам и ястребам употреблялись небольшие дворовые собаки с длинной шерстью и висячими ушами.

При охоте с ловчими птицами собака играла второстепенную роль и от нее требовалось не очень много. Она должна была только найти затаившуюся дичь чутьем и согнать ее». [28. 13-14] Ученого занимал вопрос о происхождении слова *spariel*, но он до конца его не выяснил. Если не испанское слово, то чье? Он отрицал, что это слово происходит от карфагенского *srap*, что значит кролик.

По описанию собаки, ее назначению и характеру адыгское *hapani* (хъэпаний), восходящее к древности, вполне может вписаться в названную теорию происхождения длинношерстной птичьей собаки. Она могла быть завезена из Индии, по Великому шелковому пути, из Малой Азии и Персии. Адыгские охотники к XX в., утерев соколиную охоту, сохранили дворовую собаку хъэпаний, очень схожую с древней подсоколиной собакой.

Иностранцы путешественники, посещая Кавказ, часто видели соколиную охоту. Примечательно, что этим видом охоты занимались и женщины. «Женщины были такими же хорошими всадниками, как и они (мужчины); подобно им женщины ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука, что татарки не в состоянии делать... Я в

дальнейшем видел множество всадниц с колчаном за плечами и с луком в руке или хищными птицами на руке, – писал француз Абри де ла Мотрэ, в 1724 г. посетивший Черкесию, – которые мчались галопом, сидя верхом, как мужчины. В течение всего дня мы не видели по дороге ничего, кроме приятной смены полей, лугов и лесов, перерезанных несколькими невысокими горами, среди которых то здесь, то там появлялись мужчины и женщины верхом на лошадях. Некоторые из последних имели сокола на руке, другие колчан за спиной и лук в руке, вроде Диан, одним словом, в том виде, как представлял мне мирза». [1. 137]

В Южном Дагестане у села Курак на каменной стене найдены рисунки, которые изображают зверя, преследующего фантастическое чудовище, а ниже помещен всадник с соколом на руке. [14. 250]

На Руси охота с ловчими птицами началась довольно рано. В завещании Владимира Мономаха говорится о соколах и ястребах; Игорь, князь Северский, тоже «ястребом ловяшет». Несомненно, что охота с «ясными соколами», так часто упоминаемыми в былинах, была известна в древней Руси еще до Владимира Святого и перешла от южных славян, а может быть, от половцев и печенегов. [28. 13-14]

И вполне вероятно, что, зная о новых сведениях, связанных с адыгской собакой хъэпаний и широко бытующих в Нартском эпосе сюжетах соколиной охоты, Сабанеев Л.П. мог бы более утвердительно ответить на вопрос о происхождении собаки спаниель, по крайней мере проследить ее путь в Россию из Индии, Малой Азии и Персии через Северный Кавказ.

Очень интересную композицию с изображениями сцены охоты на оленей и медведей отыскал Ф. Сысоев и опубликовал в МАК (материалы по археологии Кавказа). Это изображение высечено на Гулском кресте, датированном ориентировочно X-XII вв. На нижнем луче кремниевго креста в древне-адыгском стиле многофигурная композиция с рисунками двух оленей и двух медведей, дракона, собачки, всадника с саблей, двух пеших лучников. Возможно это сложная переработка легенды о св. Евстафии, который исследователями расценивается генетически кавказским.

Еще ближе к этому сюжету композиция на одной из известняковых плит X в. из Цебельдинского храма. Вполне вероятно, что охотничья сценка на глиняном сосуде Старокорсунской изображает дохристианский миф с участием божественного солнцерепого оленя.

Впоследствии (в IV-VII в. н.э.) эта легенда была включена в христианскую мифологию, что иллюстрирует цебельдинская стела. Христианская легенда о св. Евстафии рассказывает о том, что князь Евстафий на охоте с собакой погнался за оленем, пытаясь поразить его из лука, но, к своему удивлению, заметил возвращение стрел. Вглядевшись, он увидел между рогами оленя лик бога (Христа), после чего он прекратил погоню и, возвратившись домой, построил церковь в знак искупления допущенного греха. За это его впоследствии включили в сонм святых.

Но на гупском кресте какое-то сложное переплетение языческих мифов, очевидно включавшее и легенду о

Евстафии, а также о Георгии Победоносце (или Адыгском Зекотхе-Заокотже).

Собака в сцене гупсского креста больше всего под- ходит по своему экстерьеру к породе «хьапаный».

Гончие собаки были известны горцам с древних времен. В фольклоре их изображают смелыми и сильны- ми, с хорошим верховым чутьем, энергичным поиском. Горские гончие находили зверя всюду, подгоняли к охот- нику. Они были активными помощниками человека на охоте. Особенно распространен образ крепкой и сильной собаки с желтым окрасом, спасающей человека от клыков дикого вепря. Ей посвящены песни и сказания. Многих опытных собак, с хорошей родословной, выведенных горцами и широко известных за пределами Северного Кавказа, постигла участь их хозяев-охотников. Часть со- бак погибла в XIX в., часть одичала. И уже в XIX в. «Кав- казские гончие собаки не отличались хорошей породой, образовались они от помеси костромских гончих с арле- кинами, с литовскими и в большей дозе с дворовыми, хо- рошо выдержанных породистых собак очень мало... Но Кавказская гончая смешанного типа отличается поразительной выносливостью. Таких собак на Кавказе очень много, их можно встретить в любой деревне, на хуторе, в аулах, в помещичьих колониях, у отдельных охотников по 2, по 4 собаки». [15. 32]

Такие собаки сохранились и в наше время. Выносли- вость и упорство их часто становятся причиной их гибели на охоте. Чаще они погибают от клыков дикого кабана, особенно в густых зарослях, где они не могут своевре- менно вернуться от поджидающего их зверя. Иногда со- баки ударом клыка перерезаются пополам.

Адыги умели выращивать и воспитывать охотничь- их собак, следили за сохранением хорошей породы. В адыгейской пословице говорится, что спаривать самца можно только тогда, когда он достигнет трехлетнего воз- раста. Не разрешалось вязать его более двух – трех раз в году с разными самками. Если самец был быстр и азартен, то ему подбирали спокойную и кроткую самку. Адыги знали, что некоторые свойства передаются от отца, дру- гие от матери. От отца обычно передавались крепость те- ла, мышц, ум и хитрость, от самки – такие свойства и осо- бенности характера, как уравновешенность, незлобивость, чутье и упорство.

Считается, что адыгейские собаки были спокойного нрава, между собой не устраивали грызню, проворны в поиске и выносливы. Крымские собаки, которые часто завозились в Черкесию, отличались умом, хорошо пони- мали охотника, не знали страха, были крепки на ногу, но упрямы и злобны. В большинстве своем адыгейские гон- чие собаки упорно преследовали зверя по свежему следу, с голосом. Хорошей собакой считалась та, которая была послушна, не боялась выстрела и была спокойна при виде зверя, не бросалась на зверя без команды охотника и воз- вращалась к охотнику по первому его сигналу.

В настоящее время в Адыгее мало собак с хорошей родословной. Чаще всего встречаются помеси, многие из которых азартны, но непослушны, могут преследовать зверя часами, не подчиняясь сигналам охотника. Есть бо- язливые собаки, убегающие домой при первом же вы- стреле, есть злобные собаки, которые могут при первой же возможности растерзать и съесть дичь.

Вместе с тем мы были свидетелями того, как охот- ничья собака, догнав подсвинка, подвела его за ухо к охотникам и отдала только хозяину. Эту выдающуюся охотничью собаку звали Тульма, была она среднего рос- та, плотного телосложения, спокойна и уравновешена.

Значительное количество разнопородных охотничь- их собак завезли к адыгам в XIX в. Во время длительной Кавказской войны во всех полках, как правило, формиро- вавшихся в разных местностях России, для обеспечения продовольствием образовывались охотничьи команды с гончими собаками. Эта разнопородность впоследствии создала тип горской охотничьей собаки, которая обычно была без ярковыраженной родословной, но приспособ- ленной к горным условиям гончей охоты, крепкой на но- гу, упрямой и порою злобной, но умной и проворной со- бакой.

Широко использовались адыгами, проживающими в предгорьях и на равнине, и борзые собаки. О них упоми- нается и в древнем нарттовском эпосе. На древних рисун- ках изображены борзые собаки с дугообразной спиной и заостренной головой. Практически они редко использо- вались охотниками в горных условиях. Борзая, увлекшись погоней и развивая скорость до 100 км в час, могла раз- биться об дерево, упасть в пропасть. Она более приспо- соблена к степным условиям охоты. Тем не менее, севе- рокавказская борзая участвовала в создании южнорус- ской степной борзой породы собак. Кудрявцев Е.В пи- шет: «Южнорусская степная борзая выведена в степных областях юга РСФСР из местных использованных собак на основе горских и крымских борзых, которых скрещи- вали с хортами и среднеазиатскими тазами».

Итак, адыги имели легавых, гончих, борзых и нор- ных собак и широко использовали их на охоте. Они уме- ли выращивать и воспитывать хороших и опытных собак. Много внимания уделяли созданию пород собак, пони- мающих охотника, участвовавшего в охоте с охотничьим конем. Да, именно с охотничьим конем. Сабанеев пишет, что охотничья лошадь должна быть смирна к собакам, что достигалось охотником, постепенно приучившим ее к последним. Можно приучить к собакам самых строгих лошадей, запирая борзых постоянно в один денник с ло- шадью, и предварительно стреножив ее, чтобы она не могла ударить собаку. [27. 428] Лучшими породами ло- шадей кабардинской породы считаются: Шеулох, Атажу- кин, Лов, Чуков, Лафишиев; в прежнее же время слави- лись также лошади заводов Трам Ляфишев, Думанов, Абуков, Джанбеев, Карков, Хаджинагаев, Убизвалов.

Чаще всего герои нарттовского эпоса воспитывались вместе с конем и собакой. Сатэнай воспитывала своего сына Нарта Шабатанько в подземном доме, пустив к не- му одного старика и старуху, затем определила к ним од- ного (по другим вариантам – два) щенка, одного (два) ор- ла и одного коня. [23. 4]

Ученые-кавказеды относят появление верховых лошадей к VIII в. до н. э. «Боевое сотрудничество кавказ- цев с киммерийцами привело к выведению породы лоша- дей, пригодной к движению как по предкавказской рав- нине, так и в предгорье, а также высокогорным перева- лам. Именно не позже VIII в. до н.э. Е.И.Крупнов датиру- ет появление такой лошади, лучше всего сохранившейся в так называемом «кабардинце»... С киммерийской эпохи,

т.е. древнеэпохского периода Древней Адыгеи, развивается коневодство и верховая езда, а вслед за этим спортивное, охотничье и рыцарское наездничество».[21. 128, 131] В конце II тыс. до н.э. образ коня становится доминирующим в художественном творчестве древнего Кавказа. Кони изображены в связи с солнцем, небом и птицей. Они были воплощением быстроты и скорости. Охотничьи лошади должны были иметь определенные качества, которые определяли успех охотнику. По свидетельству Сабанеева, лошадь должна быть сильна ногами; иметь прямую и крепкую спину; стойка и вынослива; насколько возможно была поводлива, не пуглива, чтобы не бросалась в сторону; не должна быть особенно горяча; лошадь должна быть резва; легко перескакивать барьеры и канавы. Почти всем этим условиям отвечали кабардинские, т.е. адыгские и киргизские лошади. [27. 428]

Как собственных детей, охраняли адыги своих лошадей от дурного глаза, «у черкесов-магометан существует обыкновение носить на себе, навешивать на детей и привязывать к уздам любимых лошадей стихи Корана, зашитые в кусочках сафьяна; а в старину стихи Корана заменялись кусочком дерева, в которое ударила молния». [22. 36]

Адыги постоянно тренировали лошадей и сами систематически упражнялись в стрельбе из лука, чтобы при необходимости реализовать на охоте и в бою свои возможности. Они устраивали соревнования. Вот как Джеймс Белл описывает их: «...в соревновании в стрельбе из лука не было ни одного попадания в цель, но еще удивительнее было бы, если бы в цель попадали бы, т.к. задача эта должна быть очень трудной; очень маленького размера мишень слегка выдавалась на верхушке высокой мачты, составленной из нескольких связанных между собой кольев; два всадника, один впереди другого, находясь на небольшом расстоянии от мачты, пускали своих коней во весь опор и, во время приближения к цели, тот, кто был вторым, или преследователем, натягивая свой лук, наклонялся по левую сторону лошади (мачта находилась справа от него) и, изогнувшись, обратив лицо назад и смотря вверх из под своей приподнятой левой руки, взвизвал свою стрелу вверх, по направлению к цели. Много раз стрела поднималась вертикально, пролетая очень близко к цели». [1. 491] И вполне понятно, что зверю трудно было увернуться от стрелы, пущенной такими искусными охотниками.

Другой очевидец И.Ф. Баларамберг писал, что «скачки у них означают соревнования за то, чтобы прийти первым к намеченной цели, или же военные упражнения, представлявшие собой стрельбу в цель из ружья, пистолета или лука на полном карьере, джериды (легкой палки длиной три фута) и другие упражнения, призванные продемонстрировать ловкость и меткость всадника и качества его лошади». [1. 338]

Сложнее приходилось охотникам приучить своих лошадей к оружейным выстрелам, которые производились в разных направлениях, в том числе и через голову лошади. Обученная охотничья лошадь не мотала головой после выстрела охотника и, не остановившись, преследовала зверя, в том числе и такого хищника, как волк. Охотник-черкес, как правило, держал ружье то в левой, то в правой руке, в зависимости от нахождения цели охоты. Чаше

охотник держал ружье в левой руке, выше замка (позже этот способ стрельбы стал именоваться казачьим). Казачий способ стрельбы следующий: поводья в правой руке, ружье держится в левой не за шейку, а повыше курков под спусковой скобой. Ружье поднимается и приставляется к плечу левой рукой; правая, не выпуская поводьев, поднимается к спуску и производит выстрел. Способ этот сначала для нас, охотников, кажется трудным и неловким, но если практиковаться, то он входит в привычку, а выстрел становится вернее, ибо не в столь сильной степени зависит от движений лошади... [27. 343]

Требовался большой опыт для подготовки таких хороших охотничьих лошадей. Ружье на охоте адыги носили осенью за спиной дулом вверх, зимой, в снежную пору, дулом вниз, чтобы стволы не забивались снегом, осыпавшимся с деревьев.

Охотничья лошадь и охотничья собака были дружны между собой, собака при необходимости охраняла и хозяина и лошадь. Охота на лошади осуществлялась практически на все виды диких и копытных животных. И в наши дни бытует среди горцев поговорка:

Оленя, хоть он и быстرون,
Убивают сидя на лошади.

В конце XVI в. католический монах, миссионер Дортелли Асколи писал, что «их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами стройны, изящны и тонки в поясе». [6. 147]

О качестве черкесских лошадей говорил и Жан Баптист Тавернье, посетивший Черкессию в XVII в.: «Их главное богатство заключается в стадах, в особенности прекрасных лошадей, очень сходных с Испанскими. У них настолько прекрасные лошади, что в погоне за животным, они утомляют его и заставляют сдаваться. Каждый держит наготове веревку со свободно двигающимся узлом, привязанную к луку седла; они настолько ловки в бросании ее на шею животного сдвигаясь из-за усталости, что последнее редко ускользает от них. Убив оленя, они немедленно отрезают ему ноги, ломают кости и поедают мозг, т.к. считают, что нет более питательного для тела». [1. 74] Абри де ла Мотрэ, посетив Черкессию 1729 г., писал, что «встретив нескольких женщин верхами с колчанами на плече, мы осведомились у них, сколько оставалось еще в пути». [1. 137]

Хорошо знавший жизнь и быт черкесов И.Ф. Баларамберг подчеркивал и отличительные качества горской лошади. «Поскольку черкесы являются превосходными всадниками, – пишет он, – они уделяют много времени разведению лошадей. Черкесские лошади среднерослые, масть большинства лошадей – гнедая или серая в яблоках; вороной масти у них не бывает. Это порода происходит от чистокровных арабских скакунов и черкесских кобылиц, есть любители, которые до настоящего времени приобредают чистопородных турецких и персидских коней для поддержания табуна... Их основные качества – легкость, неутомляемость, а также очень крепкая нога». [1. 145]

Хорошими наездниками и заводчиками коней были и карачаевцы, которые «превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать не только лихо, но и с изяществом; они очень ловки и прекрасны в седле». [1. 368]

Не только лошадь, но вся сбруя и седло приспособлялись к условиям охоты. Дж.А. Лонгворт, корреспондент Лондонской газеты, описывая достоинства седла, пишет, что «черкесы поворачиваются в нем с величайшей легкостью и могут, подобно древним парфиянам, стрелять назад на полном скаку, а также держась за передний деревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все, что угодно с земли». [1. 333]

Характерно, что уход за любимым конем был достойным занятием любого наездника, даже для дворянина. Дворянин, «считая для себя унижением заниматься какой-либо работой по хозяйству, он же не стеснялся только одного – чистить своими руками благородную спину коня, заботливо ухаживать за ним и дома, и в поле, выметать каждое утро и вечер его стойло». [3. 128]

Горцы особое внимание уделяли лошадям в процессе их подготовки к длительным походам. «За несколько дней, – пишет Н. Дубровин, – до предполагаемого трудного похода черкес переставал кормить свою лошадь сеном или давал его очень мало; ежедневно лошадь водили под попонами и купали по несколько раз в день. От такой гигиены лошадь становилась тонка, жилиста и способна к перенесению значительных трудов в походе... Однажды братья Карамурзовы, в длинную осеннюю ночь, переправившись через Кубань у Прочного Окопа и проскакав за Ставрополь к селению Донскому на Тагинке, к рассвету очутились опять за Кубанью близ Невиномысской станицы, сделав в продолжение 14 часов более 160 верст». [10. 167, 171]

Примечания:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974.
2. Адыгские сказки и сказания. – Ростов-н/Д: Азчериздат, 1937.
3. Адыль-Гирей Кешев. Характер адыгских песен / Адыль-Гирей Кешев // Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
4. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани / Н.В. Анфимов. – Краснодар, 1987.
5. Бларамберг И. Кавказская рукопись / И. Бларамберг. – Ставрополь, 1992.
6. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия на Кавказе / С. Броневский. – М., 1983.
7. Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия / Е.Б. Вирсаладзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.
8. Гадагатль А.М. Георический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов / А.М. Гадагатль. – Майкоп, 1987.
9. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис / А.М. Гадагатль. – Краснодар, 1967.
10. Дубровин Н. Черкесы (Адыги) / Н. Дубровин. – Краснодар.
11. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы / Ш.Д. Инал-Ипа. – Сухуми, 1960.
12. Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов / Ш.Д. Инал-Ипа. – Сухуми, 1976.
13. Инал-Ипа Ш.Д. О скотоводстве у абхазов / Ш.Д. Инал-Ипа. – Сухуми, 1996.
14. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988.
15. Каневский А. Охоты Кавказа / А. Каневский // Природа и охота. – 1909.
16. Козенкова В.И. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский Край) / В.И. Козенкова, А.В. Найденко // Советская археология. – 1980. – № 1.
17. Кривицкий В.В. Бронзовый предмет с изображением двух животных из Казбекского клада из собрания Эрмитажа / В.В. Кривицкий // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Вып. XXX. – Цхинвали, 1986.
18. Кривицкий В.В. О значении образа коня и повозки в религии и искусстве Северного Кавказа (в эпоху бронзы и раннего железа) / В.В. Кривицкий // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Вып. 31. – Цхинвали, 1987.
19. Кривицкий В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.В. Кривицкий. – Ереван, 1989.
20. Латышев В.В. Вестник древней истории / В.В. Латышев. – М., 1948.
21. Ловпаче Н.Г. Этническая история адыгов / Н.Г. Ловпаче. – Майкоп, 1997.
22. Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи / Л.Я. Люлье. – Краснодар, 1927.
23. Нартхэр // Адыгэпос. Т. I. – Майкоп, 1972.
24. Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988.
25. Осетинские нартские сказания.
26. Охотничьи просторы. – 1986. – №43.- С.127
27. Сабанеев Л.П. Охотничий календарь. Т. 1 / Л.П. Сабанеев. – М., 1985.
28. Сабанеев Л.П. Собаки охотничьи легавые / Л.П. Сабанеев. – М., 1986.
29. Салихов Б.М. К вопросу о культе собаки в Дагестане / Б.М. Салихов // Материалы конференции посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. – Ставрополь, 1997.
30. Сказки адыгских народов. – М.: Наука, 1978.
31. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв до н.э./ Б.В. Техов. – М.: Наука, 1977.
32. Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов / Ш.Х. Хут. – Майкоп, 1989.
33. Шепанская Т.Б. Собака – проводник на грани миров / Т.Б. Шепанская // Этнографическое обозрение. – 1993. – №1.